

УДК 82

ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ-АНТИУТОПИИ: «ПОВСТАНЦЫ» И «ЛИДЕРЫ СИСТЕМЫ»

ЗУБАРЕВА К. С.

УО «ГГУ имени Франциска Скорины»
Гречаникова Е. Л., ст. преподаватель

Аннотация: статья посвящена ключевым литературным героям романа-антиутопии – образу «повстанца» и «лидера системы». В статье выявляются основные характеристики персонажей на основе романа Евгения Замятина «Мы». Исходя из данного исследования можно сделать выводы о присущих образам «повстанца» и «лидера системы» черт характера, внешности, значении имени, о выбранной идеологической позиции и методах её отстаивания.

Ключевые слова: повстанец, лидер системы, протагонист, антагонист, революция, тирания, идеология.

Борис Ланин в своей статье «Анатомия литературной антиутопии» заметил, что основной конфликт антиутопии – это «социальная среда и личность» [1, с. 158]. Личность – то есть индивид, выделяющийся из безликого «мы», – это, в данном контексте, так называемый повстанец, чьи идеалы и интересы не соответствуют доминирующим в конкретном государстве тенденциям. В различных антиутопиях проявляется определённая закономерность как в изображении образа «сопротивленца», так и в изображении лидера системы – формирующего звена социально-философской позиции общества, – о чём и пойдёт речь в данном исследовании.

Обратившись к всемирной истории, мы имеем возможность оценить роль одной личности в развитии или упадке общества. Широко известны имена таких политических лидеров, как Наполеон Бонапарт, Пётр I, Иван Грозный, Иосиф Сталин, Адольф Гитлер, революционеров Робеспьера, Кромвеля, Льва Троцкого, Че Гевары и др. Если абстрагироваться от морально-этической оценки, то подобных персонажей мировой истории объединяет наличие жёсткой и бескомпромиссной социально-политической доктрины, исключающей право на инакомыслие. Феномен манипулирования общественным сознанием, а также последствий подобных манипуляций активно исследуются авторами антиутопистами. В частности, создаются модели общества, в которых находят реализацию гипотетические последствия бесконтрольного влияния сверххаризматичной личности, на общественные «массы». Таким образом, одним из центральных персонажей антиутопии становится харизматичный тоталитарный лидер – создатель системы, устанавливающий контроль над всеми сферами жизни. Ключевой тезис его доктрины – счастье в несвободе.

Повстанец в антиутопии – это персонаж, чья идеологическая позиция противопоставлена доминирующей в конкретном обществе идеологии, иначе выражаясь, носитель антиутопической мысли. Причём литературный герой антиутопии зачастую становится лидером революционеров, не целенаправленно организуя контрдвижение или изначально разрабатывая антигосударственные акции, а присоединяясь к уже существующей плеяде повстанцев и приобретая статус важного элемента их миссии.

В ряде антиутопий толчком изменения картины мира и вместе с тем системы ценностей антиутопического изгоя является встреча с женщиной, идеалистические ценности которой отвечают револю-

ционными настроениям повстанцев («1984» Джорджа Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери, «Мы» Евгения Замятина).

Образ антагониста в антиутопии – носителя утопических ценностей, – как правило, только называется, сам персонаж не участвует в действии произведения, вследствие чего его фигура приобретает богоподобные черты. Поэтому вводится некое второе лицо – представитель «демиурга», который может контактировать с другими персонажами, провозглашать волю главного идеолога. Например, в романе «1984» Джорджа Оруэлла эти черты присущи Большому брату, а в качестве представителя выступает О'Брайен, а в романе «О дивный новый мир» – Генри Форду или Фрейду с заместителем в лице Мустафы Монда.

Рассмотрим образы повстанцев и лидеров системы на примере антиутопии Евгения Замятина «Мы».

«Оба произведения рассказывают о бунте природного человеческого духа против рационального, механизированного, бесчувственного мира» [2, с. 100] – так писал Джордж Оруэлл в рецензии на роман «Мы», сравнивая его с романом

«О дивный новый мир» Хаксли. Борьба, о которой пишет Оруэлл, наиболее ярко и отчётливо отражена в позициях I-330, «лесных людях» и Благодетеля, «нумерах» соответственно. Рассказчик и одновременно главный герой романа

Д-503 является носителем традиционных для Единого государства ценностей. Встреча с I-330 лишь пробуждает в нём то греховно-естественное чувство, которое и заставляет его выходить за рамки системы, но непременно терзаться муками совести. «Великая Операция» – «удаление души» – для Д-503, скорее, избавление от сомнений, эмоций и возможность вернуться к рациональному и однозначному осмыслению действительности. Черты героя-сопротивленца наиболее глубоко и полно находят реализацию в образе I-330 – члене революционной организации «Мефи».

Образ «сомневающегося» повстанца или квазиповстанца – часть антиутопической традиции. Такие герои в кульминационный момент не выдерживают испытание, проявляют свою трусость, что абсолютно отсутствует в характеристике героя-повстанца. Так, Д-503 поддался тоталитарной мысли Благодетеля. Ещё один пример мы находим в романе «О дивный новый мир» в образе Бернарда Маркса. Очутившись в кабинете Мустафы Монда, он не полемизирует с идеологией государства, а всячески отрицает свою причастность к кругу повстанцев. В антиутопии Уильяма Голдинга «Повелитель мух» подобные черты проявляли, например, Эрик и Сэм, которые были на стороне Джека не из готовности разделять его систему ценностей, а из страха.

Замятин следующим образом описывает внешность I-330 глазами Д-503: «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст», «она была в фантастическом костюме древней эпохи: плотно облегающее чёрное платье, остро подчёркнуто белое открытых плечей и груди, и эта тёплая, колыхающаяся от дыхания тень между... и ослепительные, почти злые зубы... Улыбка – укус <...>», «глаза были опущены – как шторы», «в улыбке у ней всё время этот раздражающий икс» [3]. Важной чертой внешности I-330 является несколько раз отмеченные Д-503 «глаза – закрытые шторы» [3]. «Прозрачность», определённость, статичность негативно оцениваются авторами антиутопий, в то время как «непрозрачность», неопределённость, динамичность свидетельствуют об уникальности, неподатливости души. Для большинства «нумеров» I-330 – интересная, яркая личность, «ресницы-шторы» – это, с одной стороны, преграда для неприятных героине людей, с другой стороны, загадка. Так называемая «улыбка икс» также наводит на мысль о загадочности I-330, для математиков x – неизвестное число, чем и стала I-330 для Д-503.

Важным в характеристике героини является и её имя. I-330 в английском языке переводится как личное местоимение первого лица – я. Уже в её имени автор обозначил противопоставление I-330 миру Единого Государства, где нет места Я, здесь только Мы – «Мы» – от Бога, а «Я» – от дьявола [3].

В процессе действия романа I-330 осуществляет борьбу с политикой Благодетеля. Она ведёт себя не по стандарту, пытается привлечь новое лицо на сторону участников «Мефи», участвует в срыве выборов Благодетеля, помогает О-90 перебраться через стену. Кульминацией её борьбы стало стойкое перенесение жестоких пыток: «Эта женщина упорно молчала и улыбалась <...>. Затем её ввели

под Колокол <...> из-под Колокола стали выкачивать воздух <...>. Она смотрела на меня, крепко вцепившись в ручки кресла, – смотрела, пока глаза совсем не закрылись <...>. Так повторялось три раза – и она всё-таки не сказала ни слова» [3].

I-330 была человеком нового времени, которое ещё не настало, оттого её конец – Машина Благодетеля. Троцкий в «Истории русской революции» писал: «В революцию массы входят не с готовым планом общественного переустройства, а с острым чувством невозможности терпеть старое» [4, с. 24]. То есть революционный дух повстанцев в антиутопиях не подразумевает под собой стремление к освоению новой идеологической программы, их действия мотивированы невозможностью терпеть старые, утопические взгляды, энтропия которых приводит к упадку общества. Показательны слова I-330 после сорванного Дня Единогласия: «завтра – неизвестно что. Ты понимаешь: ни я не знаю, никто не знает – неизвестно. Ты понимаешь, что всё известное кончилось? Новое, невероятное, невиданное» [3]. Д-503, в отличие от I-330, страшился нового, неизведанного, и в том числе свободы, поэтому когда в Единой Государственной Газете написали о восстановлении порядка, он с облегчением вздохнул. Новое для него – потерянность, неизвестность, отчего этот герой соотносится с библейским Адамом, для которого свободолюбивые мысли – болезнь, в то время как I-330 – Ева, возжелавшая знаний и свободы.

Образ лидера системы – Благодетеля, – соотносится с образом тоталитарного правителя. Единое государство он сделал «стеклянным раем», где состояние энтропии – это счастье: «Вспомните: в раю уже не знают желаний, не знают жалости, не знают любви, там – блаженные с оперированной фантазией (только потому и блаженные) – ангелы, рабы Божьи» [3]. Основной конфликт антагониста и протагониста в таком случае заключается в понятиях энтропия и энергия: «Вот: две силы в мире – энтропия и энергия. Одна – к блаженному покою, к счастливому равновесию; другая – к разрушению равновесия, к мучительно-бесконечному движению» [3], – размышляла I-330.

Е. Замятин в романе отобразил главные черты тоталитарного общества: официальная идеология, которую обязаны поддерживать все граждане Единого Государства (пытаясь скрыть еретические мысли в своём дневнике, Д-503 посвятил страницу восхвалению Благодетеля, которую и показал Хранителям, кроме того, существовала казнь за «кощунственные стихи»), тотальный полицейский контроль (Хранители в качестве наблюдающих за порядком, «Зелёная стена» – граница с запретом на пересечение,), власть управляет всеми сторонами жизни общества (сексуальная жизнь «нумеров» осуществляется по розовым талонам, один режим дня для всех – «Часовая Скрижаль», а два часа в день «Личных Часов» также не предусматривают разнообразия, одна одежда – «юнифа», «Материнская Норма» и «Отцовская норма»). Показательны и выборы главы Государства, таким образом под видом народовластия осуществляется тирания Благодетеля и Бюро Хранителей: «В 48-й раз единогласно избран всё тот же, многократно доказавший свою непоколебимую мудрость Благодетель» [3] голоса «врагов счастья», конечно, не были учтены.

В описание благодетеля явно превалируют божественные черты: «Тяжкий, каменный, как судьба, Благодетель обошёл Машину кругом, положил на рычаг огромную руку <...>. Какой это, должно быть, огненный, захватывающий вихрь – быть орудием, быть равнодействующей сотен тысяч вольт. Какой великий удел!», «это было – как знамение нечеловеческой мощи Благодетеля», «в последний момент – я набожно и благодарно лобызну карающую руку Благодетеля. У меня по отношению к Единому Государству есть это право – понести кару» [3]. И сам благодетель отождествляет себя с христианским богом, рассуждая о смерти христиан и убийствах творимых ими. Хранители также не лишены библейской аналогии: «Кто знает: может быть, именно их, Хранителей, провидела фантазия древнего человека, создавая своих нежно-грозных “архангелов”, приставленных от рождения к каждому человеку» [3].

Не случайно в имени антагониста присутствует позитивная семантика. Его имя – это то, что видят утопичные жители Единого Государства. Пока «нумера» не перестанут видеть в нём благо, революция не произойдёт. «Благодетель, Машина, Куб, Газовый Колокол, Хранители – всё это добро, всё это – величественно, прекрасно, благородно, возвышенно, кристально-чисто. Потому что это охраняет нашу несвободу – то есть наше счастье» [3].

Список литературы

1. Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 154-163
2. Оруэлл Дж. «Скотный двор – сказка». Эссе. Статьи. Рецензии / Дж. Оруэлл. – М.: Известия, – 1989. – С. 100-120
3. Замятин, Е. Мы / Е. Замятин. – СПб: Лениздат, 2013. – URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtm – Дата доступа: 10.11.2016.
4. Васецкий, Н. Троцкий, Л. История русской революции. Том 1 / Н. Васецкий, Л. Троцкий. – М.: Терра – книжный клуб, - 1997. – 464 с.

© К.С. Зубарева, 2016